

Татьяна Алексеева- Никулина

г. Остров, Псковская обл.

Моя музыкальная школа

1

Идея обучать меня музыке, а именно – игре на фортепиано, принадлежала, конечно же, бабушке: у подружки все дети имели музыкальное образование! Значит, и Таню надо учить. И это не обсуждалось!

Музыкальной школы в нашем провинциальном городке в то время не было – только кружок при Доме пионеров. Что ж, тогда – в кружок. Я только-только пошла в первый класс и ещё не успела привыкнуть ни к коллективу, ни к новому месту, а меня взяли за руку и повели в неизведанное. Правда, насколько помню, особых переживаний по этому поводу у меня не было: слишком общительным и любопытным ребёнком я росла.

В небольшой комнате, где проходило прослушивание, стояло пианино, старинный письменный стол, именуемый в народе конторкой, несколько стульев и диван, обтянутый потёртым коричневым дерматином. На диване сидели двое: девочка моего возраста и, наверное, её мама. Открылась

дверь, и в комнату вошла крупная, очень полная женщина с толстыми и красными, словно у матрёшки, щеками. Я невольно прижалась к бабушке...

И вот начались приёмные испытания: послушать, запомнить и пропеть музыкальную фразу из нескольких нот, повторить простуканный карандашом ритмический рисунок и спеть куплет любой детской песенки – по желанию. Вздолбанные и порозовевшие от необычного задания, мы ждали вынесения «вердикта». Руководительница кружка, которой оказалась женщина со щеками матрёшки, с некоторым высокомерием в голосе спросила взрослых:

– А инструмент дома есть?

Бабушка моя как-то сразу обмякла и робко ответила:

– Нет...

– Ну, так что же вы хотите? Сначала купите пианино, а потом уже приводите ребёнка.

Мама второй девочки вдруг выпрямилась, вздёрнула кверху подбородок и изрекла:

– Что ж, придётся покупать пианино!

Домой бабушка шла мрачнее тучи: по её самолюбию был нанесён сокрушительный удар.

Прошла осень. Наступила зима – приближался мой день рождения. Взрослые загадочно переглядывались, шептались, многозначительно поглядывая на меня и слегка посмеиваясь. По-доброму так, ласково. И вот в день рождения слышу сквозь сон странные тенькающие звуки: то ли капельки воды ударяют по металлу, то ли бусинки по стеклу. Они были приятные, но звучали отрывисто и по отдельности друг от друга. Открываю глаза, а на стуле рядом с кроватью стоит пианино, и мама пальцем слегка дотрагивается до клавиш. Пианино игрушечное, коричневое, с узором на передней стенке и светлой надписью «Малютка». Оно было всего в две октавы, но хорошо держало строй, а чёрные клавиши были настоящие, не нарисованные! А самое главное – на нём можно было играть! Сердце моё обмирало от восторга!

А на следующий день мы с мамой пошли к Вере Кирилловне Болтовской – маминной подруге детства. Это была очень милая, интеллигентная женщина, недурно музицировавшая на фортепиано. В то время родителями не преследовалась цель сделать из ребёнка профессионала: пусть играет так, для общего развития, для себя. Вера Кирилловна согласилась давать частные уроки. Я с радостью ходила на занятия. Во-первых, семья Болтовских была мне давно знакома и мною любима: Михаил Иванович вёл в нашем детском саду музыкальные занятия, а дети – Лена и Дима – были почти моими ровесниками. А во-вторых, в их доме я всегда чувствовала себя спокойно и комфортно.

Помню самые первые уроки с Верой Кирилловной: вот она «ставит» мне руку; вот учусь играть legato всего пять нот – от «до» до «соль» – сначала правой рукой, потом левой. Но однажды ребёнку захотелось большего, и, пока учительница варила на кухне суп, я попробовала сыграть сразу двумя руками – вперёд и обратно. Как сейчас вижу: Вера Кирилловна вбегает в комнату, в одной руке картофеля, в другой – ножик для чистки овощей. На лице – изумление:

– Таня, кто тебе показал? Это ты сама?! Ну-ка, повтори! – и звонко чмокает меня в щёку.

У неё-то было хорошо заниматься: пианино большое, чёрное – настоящее, да ещё с бронзовыми подсвечниками, с педалями внизу (это ещё для чего?). А дома, прежде чем начать играть, сооружалась сложная конструкция: на стул клали подушку, слегка примяв её, на подушку – большую разделочную доску, на которой мама раскатывала тесто, когда стряпали пельмени, и только потом, со всеми предосторожностями, устанавливалось пианино. Я усаживалась за инструмент – играть, а бабушка – рядом, держать ноты – огромную толстую книгу. И всё же я играла!.. Так прошёл первый год, второй...

В том году мне купили настоящее пианино, правда, папе пришлось продать мотоцикл... Болтовские к тому времени уехали. Перед отъездом Вера Кирилловна сказала,

чтобы я ни в коем случае не садилась за новое пианино и не играла, дабы не испортить постановку руки. Это было горе!

И вот я пошла в третий класс. Осмелев и считая себя вполне самостоятельной, одна отправилась в Дом пионеров записываться в музыкальный кружок: пианино-то уже было, значит, должны принять! И та же руководительница со щеками матрёшки, решившая проверить мои музыкальные способности, услышала моё гордое «Я умею играть!», и, не особо дожидаясь приглашения, я уселась на круглый стул, а потом «изобразила» своё умение. Помню фразу, произнесённую за спиной:

– Да вы только посмотрите, она даже руку правильно держит!

А когда я сказала, что училась у Болтовской, это оказалось лучшей рекомендацией, и я была зачислена сразу, без дальнейших проверок. Дома родители только руками развели...

Прошёл первый год занятий в кружке. Лидия Петровна – наш руководитель – была самоучкой, поэтому никаких теоретических знаний дать не могла. Но она научила большому: не только любви к музыке, но уважению и вниманию друг к другу, уважению к исполнителю, несмотря на его возраст и умение, научила сплочённости. Я пронесла это чувство локтя через всю жизнь...

А мы были такие разные! И разные были пути, что привели нас в кружок. Кто-то занимался только потому, что мама с папой так захотели, кто-то ходил просто «от нечего делать»; одним – нравилось, другие – с ленцой. Но среди нас выделялся мальчик, который играл лучше всех. Он был на целых два года старше меня, а большинство ребят – мелюзга по сравнению с ним. Это местное Светило держалось, конечно, особняком от нас, малышни. Но надо сказать: зеркало было не в восторге, когда дарило ему отражение. Представьте себе очень худого, бледного двенадцатилетнего мальчика, к тому же слегка сутулого, с оттопыренными ушами, неправильным прикусом и квадратным подбородком. Брови-домики, приподнятые в изломе, придавали его лицу постоянное

страдальческое выражение, как у Пьеро в комедии масок. Но совершенно неожиданно было видеть его тёмно-голубые глаза, опущенные чёрными ресничками. И взгляд этих глаз, насмешливо-внимательный, был полным контрастом выражению «лица Пьеро». Светило это не суетясь, с достоинством подходило к пианино, фундаментально усаживалось, картинно вскидывая руки с длинными пальцами и... можно было забыть обо всём на свете – Светило играло!

2

Промозглым ноябрьским утром в Доме пионеров на площадке второго этажа стояла унылая стайка подростков: мы ждали преподавателя музыкальной литературы, а он опаздывал. Ключ от кабинета был только у него, поэтому мы стояли на площадке холодной лестницы, подрагивая от холода и недосыпания. Наконец, напротив, через дорогу, остановился городской автобус, несколько человек вышло, но Юрий Иванович не приехал. Один из мальчишек грустно констатировал:

– «Музлитература» не приехала... Ребят, пошли домой.

Нам почему-то даже не было радостно от нежданно свалившегося «счастья». В музыкальную школу (да-да, я не ошиблась, кружок уже преобразовали в школу) стекались ребята из четырёх общеобразовательных школ. И если в классе мы уже изрядно поднадоели друг другу, то здесь было всё иначе! Здесь не было привычных в классе прозвищ; здесь никто и никогда не обращался друг к другу по фамилии. И здесь, наконец, завязывались первые симпатии...

Да, кружок был преобразован в ДМШ, но здания школы у нас пока ещё не было, поэтому заниматься приходилось то в Доме пионеров, то в какой-нибудь из общеобразовательных школ. Не перестаю удивляться: помести сейчас теперешних девчонок и мальчишек в такие условия – никто бы не выдержал! А ведь мы зачастую сидели в такой тесноте, что не каждый мог положить нотную тетрадь на стол – писали, положив

тетрадь на колени! Да и учителей, владеющих хотя бы азами преподавания, у нас ещё не было. Школьная программа была поставлена с ног на голову. Но мы этого не знали, а потому старательно учились!

Сначала сольфеджио нам преподавал тот же Юрий Иванович Обухов (я чуть позже обязательно вернусь к этой интересной личности), но вскоре ему оставили только музыкальную литературу, а по сольфеджио у нас появился новый учитель.

В класс пришёл довольно мрачного вида мужчина, посмотрел на нас исподлобья, буркнул «Здравствуйте, садитесь», сел сам и, глядя куда-то в сторону, сказал:

– Меня зовут Дьяконов Олегурий – запомните, я буду вести у вас сольфеджио.

Мы запереглядывались, услышав это странное имя, но переспросить никто не решился: уж больно свирепым показался нам наш новый учитель...

Дома всё прояснилось. Я рассказала родителям, что у нас новый учитель, что имя его Олегурий... Бабушка зажмурилась и, покрутив головой, переспросила:

– Ка-а-а-к? Это что за имя такое?

– Ну да, он сам так сказал! А фамилия его Дьяконов.

Взрослые дружно расхохотались. Оказывает, знали они этого «Олегурия». Звали его – Олег Гурьевич! Но некоторые девочки долго ещё «навеличивали» его Олегурием.

Двойки на наши головы от этого «Олегурия» сыпались как из рога изобилия.

Возможно, он и был грамотным теоретиком, но объяснить толком нам ничего не мог (или не хотел?). Детей ведь надо не только чему-то научить, монотонно вдалбливая им непонятные термины, детей надо просто любить. Он не любил нас, мы платили ему тем же.

3

А ещё через год мы получили собственную школу! Это был старый деревянный двухэтажный дом – бывшее здание Госбанка. Но, несмотря на это, там всегда было хорошо и уютно. И адрес замечательный:

улица Пушкина, дом 5. Забегая вперёд, скажу, что в августе 2012 года, после тридцативосьмилетней разлуки со своей малой родиной, я приехала туда. И в первый же свободный день пошла на свидание с нашей музыкальной школой. На месте старого здания красовалось большое, каменное. И к величайшей моей радости, адрес остался прежний – улица Пушкина, дом 5! В старом здании, куда мы вселились, на втором этаже был даже небольшой зал с маленькой сценой, которую, скорее, можно было назвать подиумом. Но это была ШКОЛА!..

Ненавистный «Олегурий» ушёл, и нам вернули Юрия Ивановича. Интереснейшая и немного странная личность! Видимо, бывший фронтовик, потому что ладонь правой руки у него была искалечена – перебито сухожилие – обычное ранение фронтовиков. Это был худощавый, чуть выше среднего роста мужчина с тонким и умным лицом. Пепельно-серые волосы, щедро разбавленные проседью, были разделены на прямой пробор и свисали на лоб, иногда закрывая глаза. За очками с толстенными линзами цвет глаз был не виден. Юрий Иванович не просто учил, не просто любил нас, он был какой-то восторженный, если можно так выразиться. Он так преподносил нам предмет, как будто делился величайшей тайной.

Ох, и многое он прощал нам! И ответы по шпаргалкам, и подсказки мальчишек с последнего ряда, и даже шалости на уроках. Помню, весной кто-то из мальчишек поймал проснувшуюся муху, оторвал у бедняги крылышко и дал понюхать ей чернила из авторучки. А они – на спирту! Муха замерла, вдыхая запах спирта, а потом бешено закружилась на спине, жужжа, что есть мочи. Мальчики откровенно хихикали, девочки зажимали рты ладошками, боясь расхохотаться вслух.

Школа разрасталась. Лысков Юрий Андреевич и Ралдугин Вячеслав Иванович вели класс баяна, Потапов Вадим Анисимович – класс аккордеона. Приехала из Кирова выпускница музучилища Малина Людмила Георгиевна, и учеников фортепианного отделения сразу передали ей. Мы полюбили

её сразу – фамилия у неё была вкусная, хотя правильно ударение надо было произносить на первом слоге. Но эта «вкуснятина» проработала совсем недолго, передав нас, как эстафету, другому преподавателю. Но о нём – позже.

Теперь уже занятия проходили строго по расписанию, никто не опаздывал, для каждого предмета были свои кабинеты...

Учился в те годы вместе со мной Мальчик, живший по соседству. Мы были знакомы с самого раннего детства. На занятия по теории попали в одну группу, а потому из дома выходили вместе. До школы можно было пойти двумя путями: коротким – по соседней улице, но осенью и весной там было грязновато, и дальним – по нашей довольно чистой улице, а потом повернуть сразу на Пушкинскую. Я предпочитала ходить в обход, он – короткой дорогой. И, доказывая друг другу, что именно его путь короче, мы чуть ли не бежали каждый своей дорогой. В итоге в школу прибегали почти вместе, красные, запыхавшиеся и, конечно, задолго до начала занятий. Школа ещё не была наполнена музыкальной разноголосицей и детским пением, не хлопали двери. Однажды Мальчик спросил:

– А ты слышала, как голуби под крышей воркуют? Нет? Пошли слушать!

Мы проходили в класс на втором этаже и слушали воркование голубей под крышей. А весной – звон капли о железный водосток. Два, не лишённых романтики, подраста...

4

Постепенно, не вдруг, стал меняться состав учеников. Приходили новенькие – малыши, а подростки и старшеклассники уходили. И это казалось очень странным: выдержав скитания по разным помещениям, вытерпев все неудобства, ребята уходили, не доучившись. И осталось нас не столь и много, тех, кто стоял у истоков. Старшеклассников подгонял возраст и выпускные экзамены в общей школе, ребята среднего звена не выдерживали нагрузки.

Ушёл и Мальчик, мой сосед, проучившись три года. Нас, пианистов, перешедших в пятый класс, осталось совсем мало. Светило – Вова Пасынков – тоже остался. Учёба продолжалась.

А теперь возвращаюсь к приходу нового учителя по специальному фортепиано. Я училась, как уже говорила раньше, во втором классе, когда он к нам пришёл. Среди девчонок пронёсся слух, что нас будет учить мужчина! Мы не привыкли к этому, и новость часто обсуждалась: эмоциональные, с развитым воображением, мы старались представить, как же будет выглядеть наш новый преподаватель? Мне он виделся не очень высоким, пожилым, седеньким и почему-то с усами и небольшой бородкой клинышком. Людмила Георгиевна сказала:

– Таня, плохих учеников отдавать стыдно, хороших жаль, но ничего не поделаешь. Ты не переживай, он хороший учитель.

И вот однажды Малина входит в класс в сопровождении молодого человека, ещё совсем юноши – ну, как наши мальчишки-старшеклассники – и представляет его:

– Таня, вот это и есть твой новый учитель. Зовут его Владимир Александрович Свиногеев.

Разочарованию не было границ! А где же тот, седенький, с бородкой, которого нарисовало моё буйное воображение?! Этот мальчишка вошёл в класс, робея и смущаясь, пожалуй, больше, чем я! Высокий, стройный, с пышной шевелюрой русских, слегка рыжеватых волос. Одет он был в свитер почти такого же цвета, как волосы, а руки торчали из коротковатых рукавов, совсем как у подростка. И кто бы мог тогда подумать, что этот «мальчишка» станет для нас большим другом на все годы учёбы! Мы его боготворили. Он, кажется, и не делал ничего такого, за что можно было бы его обожать. Он нас ЛЮБИЛ! Он любил всех своих учеников – отличника Вову Пасынкова и флегматичного, не очень успешного Женечку Кропачева. Частенько он устраивал классные концерты – просто так, не для оценки, а для того, чтобы мы послушали своих друзей. Ведь в классе учились дети разных

возрастов и способностей. Как мы любили эти концерты! А потом мы робко просили его сыграть для нас. Владимир Александрович никогда не заставлял себя упрашивать, а просто садился и играл. Играл арабски своего любимого Дебюсси. Мы притихали, заворожённые звуками. Иногда, после таких классных «посиделок», он мечтательно говорил, глядя на нас:

– Девочки, вот вы к окончанию школы вырастаете, станете взрослыми, а я совсем состарюсь.

И я представляла, как он состарится и станет, наконец-то, седеньким, с бородкой и усами. Я тогда ещё не понимала, что в молодости 5–6 лет не могут состарить никого!

Каждый год, в мае, в школе проходили академические концерты и технические зачёты, конкурсы. Отчётный концерт мы давали в Доме культуры. В нашем классе, классе Свиногеева, существовал сложившийся сам по себе закон для всех – для малышей и старшеклассников: даже если ученик уже сыграл, домой он не уходил. После выступления учитель собирал нас в кабинете и обязательно благодарил всех! Никогда, ни разу мы не слышали от него ни слова упрёка, если кто-то, волнуясь, забывал ноты или фальшивил. Мы и так знали свои промахи и переживали ещё больше именно от того, что нас не ругали. И ещё: Владимир Александрович никогда не ставил двойки.

Бывали у меня такие моменты, когда в конце урока я смотрела дневник, а оценки не было. Учитель как-то виновато улыбался и говорил:

– Таня, я оценку не ставлю в двух случаях: когда у меня играют или очень хорошо, или очень плохо, и я затрудняюсь поставить оценку. Ты ведь сама понимаешь, как ты сыграла.

Вздыхала – понимала.

5

Став старше, я стала намного серьёзнее относиться к занятиям. Возможно, сердце проснулось, как сама теперь считаю. А повод для пробуждения сердца был...

по-прежнему, по привычке, приходила на групповые занятия по теории музыки раньше всех, слушая воркование голубей под крышей. Но однажды, к величайшей моей досаде, одиночество было нарушено – пришло Светило. Он о чём-то спрашивал – отвечала неохотно, потому что мне мешали! К тому же память очень цепко хранила выскомерие, которым он когда-то одаривал нас. Не учла я только одного: мы повзрослели. И оба не заметили, как эти утренние общения превратились в необходимость. Мы болтали с ним обо всём: о прочитанных книгах, о музыке, о песенных новинках. Но чаще всего он для меня играл. Ничего не изменилось в его внешности и поведении, но то, как он садился за инструмент, по-прежнему картинно вскидывая руки, уже не раздражало, а казалось само собой разумеющимся и прекрасным. Играл он много и охотно. Это были не только программные произведения. Очень много он разучивал для души, для себя (а может быть, для меня?). Больше всего нравились вальсы Шопена в его исполнении... Конечно, девочке-подростку очень импонировало, что лучший ученик школы играет специально для меня.

Перед приходом остальной группы он выходил из класса и возвращался только к началу урока. Поэтому никто из ребят не догадывался о наших утренних «свиданиях», о зародившейся симпатии. А открылось всё совершенно случайно, как, впрочем, всегда и бывает.

Учебный год подходил к концу, оставались зачёты, экзамены, отчётный концерт. По уже успевшей сложиться традиции, концерт проходил в Доме культуры. В том году открылось новое, только что построенное здание. Ученикам нашей музыкальной школы было предоставлено почётное право первого концертного выступления в этом шикарном Доме культуры. Пахло краской, свежей побелкой, а на сцене, за кулисами, ещё стояли строительные леса – их не успели вынести.

Концерт открывал хор, потом выступали малыши. Мы, пятиклассники, завершали концерт. Я играла «Поэтическую картин-

ку» Грига. Мы с девочками стояли тесным кружочком, волнуясь и переживая не только за себя, но и за друзей. Отдельно, изредка поглядывая в нашу сторону, прохаживался Володя Пасынков. Следующий выход – мой. Нервно провожу ладонями по свежей побелке, чтобы лучше скользили по клавиатуре вспотевшие от волнения пальцы. Выхожу... Играю, ничего не понимая от волнения... Последний аккорд, встала... Комплимент (лёгкий поклон залу) – и скорее за кулисы. В ушах – гул. Кажется, сыграла неплохо – всё было гладко! И вдруг рядом оказывается Светило. С поздравлениями!

– Молодец! Хорошо сыграла! Трудное произведение, я его играл – не получилось.

Не получилось?! Это у него-то?! У первого ученика?! Да ведь оно совсем и не трудное!.. А слова никак не идут наружу, стою и молча киваю головой. И вдруг слышу за спиной смешок: хихикают две девочки старше меня на год. Одна из них – мой идеал, кумир, образец для подражания! Увидели эту сцену. Молча развернулась в их сторону и посмотрела с недоумением. Ничего не сказала. Только вдруг смешок прекратился. И вдруг исчез образец для подражания. Странно, но в дальнейшем я за всю жизнь ни разу не вспомнила эту девочку.

6

Этой же весной было ещё одно знаковое событие в моей музыкальной жизни.

Помните, я говорила, что проводились конкурсы на лучшее исполнение произведения? Каждая возрастная категория учеников разучивала отдельное произведение. У нас в пятом классе это была «Неаполитанская песенка» Чайковского. Играть её в задуманном композитором темпе было трудно, очень трудно, поэтому мы с девочками договорились не «загонять».

Все конкурсанты – от мала до велика – сидели в зале, а жюри, состоящее из преподавателей, – за дверью, на лестничной площадке. Нам выдали квадратики плотной

бумаги, на которых были написаны номера. Квадратики предварительно перемешали. В дверях, спиной к залу и к нам, стоял Обухов Ю. И. и называл номер. Члены жюри не видели, кто из ребят проходит под этим номером. Подошла моя очередь. И тут я – не понимаю, что со мной случилось, – взяла такой темп, в котором на занятиях никогда не играла. И это было только начало пьесы, а средняя часть исполнялась ещё быстрее. Меня, скорее всего, гнал какой-то «заячий страх». Ужасаясь своей невесть откуда взявшейся прыти, боясь сбиться, не надеясь на пальцы, я желала только одного: поскорей закончить играть!.. После окончания конкурса мы выходили, сдавали в жюри номера и называли свою фамилию. Когда номерок сдавала я, глаза у моего учителя стали абсолютно круглыми, и он смог только сказать:

– Таня! Это – ты-ы-ы???

Всё, подумалось, провал!.. И я спокойно ушла собирать одуванчики в школьном саду. Там-то меня и нашла моя первая наставница – Лидия Петровна и заставила вернуться в зал. Удивлению моему не было предела, когда объявили, что я заняла первое место среди пятиклассников! Но самое интересное было позже, когда я не то чтобы в таком же быстром темпе не смогла повторить это произведение, – вообще не смогла его сыграть. Ни разу!

7

Весной школу покидали все старшеклассники: братья Смирновы – Слава и Витя, Валера Токарев, Лёня Галанкин, Таня Селезнёва и Володя Пасынков. Мальчишки-баянисты успели пройти полный курс – пять классов. А Пасынкову выдали свидетельство об окончании вечернего отделения школы. Ушли и две девочки-пианистки, две Гали – Микрюкова и Вотинцева. В общей школе у них был впереди выпускной класс. А меня ожидало ещё одно испытание...

Однажды, в самом конце мая, встречаю на улице одну из наших преподавательниц. Она вела какой-то предмет в нашей школе,

но не у меня. И вдруг она обращается ко мне:

– Таня, а ты знаешь, что в школе будет выпускной вечер?

– Нет...

– Ты приглашена. Приходи обязательно!

– Хорошо, – ответила растерянно.

Метров через сто встречаю Владимира Александровича. И снова:

– Таня, ты знаешь, что у нас будет выпускной вечер? – хитренько так улыбается.

– Да, теперь уже знаю, Виолетта Геннадьевна сказала.

– Ты приглашена. Знаешь?

– Знаю.

– Так ты придёшь? – уже откровенно смеясь.

– Приду, – отвечаю и ни-че-го не понимаю.

Откуда вдруг такое внимание к моей особе? Почему именно меня пригласили? Дома спросила разрешения у мамы. Отпустила.

В музыкальной школе было много чужих взрослых – родители выпускников. Сами мальчишки были нарядные, повзрослевшие. Красавицей выглядела Таня Селезнёва – единственная девочка-выпускница. По коридору ходила чья-то мама и сокрушалась:

– Ну что это такое? Девочек мало!

Эту фразу она повторяла всякий раз, как проходила мимо меня. Я, с волосами, забранными в хвостик, с белым бантом и в простеньком платьице из искусственного шёлка, видимо, никак не устраивала её как девочка – объект повышенного внимания сына! Я всё ещё была ребёнком...

Мне порядком наскучило всё это взросло-пышное общество, и я решила подняться в свой любимый класс, где голуби ворковали под крышей. Поднимаюсь на второй этаж и в распахнутую дверь зала вижу накрытые столы! Ой, на такое я не рассчитывала! Едва не кубарем скатилась снова на первый этаж: уж лучше слушать нытьё чьей-то мамы по поводу девочек!

Но идти всё равно пришлось, потому что Свиногеев не выпускал меня из поля зрения и чуть ли не в приказном порядке заставил

войти в зал. Место за столом для новоявленной «принцессы» тоже тщательно выбирали. В итоге усадили напротив Пасынкова Володи. Чуть левее от него сидел Лёня Таланкин. Остальных я не видела...

С той памятной весны я больше никогда не встречала своих друзей – ни Мальчика, ни Светило...

И только много лет спустя, будучи совершенно взрослой, перебирая в памяти события детства и юности, я догадалась, кто же пригласил меня на тот выпускной.

8

Начались летние каникулы. В музыкальной школе их практически не существовало: на лето нам задавали огромную программу. Что-то выучить на память, с чем-то просто ознакомиться. Кроме этого – много гамм и упражнений для разыгрывания, для наработки различных видов техники. Так было каждое лето. Но тем летом, после окончания пятого класса ДМШ и восьмого общей школы, я занималась совершенно иначе: заполняла пустоту, возникшую внутри.

Помните, что за год до этого из школы ушёл Мальчик, с которым мы слушали голубей? А через несколько месяцев его семья вообще переехала в другой город. В глубине души теплилась надежда, что уехавший Мальчик пришлёт когда-нибудь письмо, но с каждой неделей эта надежда таяла и таяла...

В конце лета повидаться с бывшими соседями приехала его мама. Конечно, она зашла и к нам. Рассказывая о том, как они обустроились на новом месте, она не преминула обмолвиться, что у Мальчика там появилась первая любовь. Сидя в соседней комнате, похолодев, я мужественно выслушала эту новость. Надежда умерла, бесильно сложив крылья...

Пустота, образовавшаяся внутри, усугубилась ещё и отсутствием Светила: меня никто не развлекал, никто не играл специально для меня. Заполнять пустоты приходилось самой. Играла много, разучивая и шлифуя не только программные произведения, но и для себя, для души. В

то лето я обрела ещё одно настоящее друга – пианино! До сих пор мы с ним играли, но сейчас – разговаривали! Оно слушало и отвечало мне то смехом, то рыданием, то тревогой, то лаской, когда, закрывшись в комнате, я выплёскивала ему всё, что мучило и тревожило. Иногда играла до такого состояния, которое можно сравнить с опьянением: из добровольного своего заточения выходила притихшая, умиротворённая, ничего не видя и не замечая вокруг...

В сентябре начались долгожданные занятия. На первом же уроке Свиногеев как-то странно, склонив по-птичьи голову, посмотрел на меня. Позже, когда я сама пришла преподавать в нашу школу, одна учительница мне рассказывала:

– Пришёл Владимир Александрович в начале сентября в учительскую и говорит: «Таня у меня не играла, не играла и вдруг – заиграла!»

Да, знал бы он, чем это было вызвано, сколько душевной муки было вложено в это «заиграла»!

Однажды учитель пришёл на урок и сказал:

– Таня, в книжный магазин поступили очень хорошие ноты. Там есть «Концерт» Д. Кабалевского № 3. Я для школы отложил один экземпляр, сходи и купи второй, я хочу, чтобы у тебя был свой.

– А зачем мне «Концерт»?

– Как «зачем»? Играть будем.

– Кто? Я? Я буду играть концерт?!

– Ты, ты! – смеётся.

В это невозможно было поверить: концерт – это крупная сонатная форма, очень большое, серьёзное и трудное произведение. И вдруг – мне! Кабалевский написал его для фортепиано с оркестром и сам сделал переложение для двух фортепиано.

В нашем классе появилось второе пианино – для того, чтобы мы могли играть в четыре руки. Второе пианино поставили также и на сцене в зале. Начались обычные школьные будни, наполненные музыкой. Вот когда я полюбила её по-настоящему! Пальцы были сильными и послушными, фортепиано отзывалось с благодарностью

даже на самое лёгкое прикосновение. Душа пела. Владимир Александрович совершенно сроднился с нами, окружал заботой и вниманием, как будто мы были его детьми. Помню, в наши сильные вятские морозы, когда даже три пары варежек не спасали от холода, он, прежде чем начать урок, проверял теплоту наших рук и, если они казались ему недостаточно тёплыми для игры, усаживал ученицу к печке, закутывал ей руки своим пушистым мохеровым шарфом – отогреться...

Закончился и этот год, шестой год моего пребывания в школе. Концерт Кабалевского я тогда играла не весь – только первую часть. На лето мне было задание – учить его до конца, все три части. Концерт был красив! Мелодичный, легко запоминающийся, как и все произведения Дмитрия Борисовича, был он посвящён советской молодёжи. Играть его – одно удовольствие, хотя по технике исполнения он не был лёгким. Конечно, кроме него разучивались и другие произведения. В репертуаре были уже полюбившиеся по многим произведениям Григ, Шопен, Рахманинов...

9

Не обходилось и без курьёзов. Очень хорошо помню случай, над которым хохочу до сих пор, вспоминая.

Пришла к нам в седьмом классе новая учительница преподавать сольфеджио и музыкальную литературу. Это была молодая девушка приятной внешности, с лёгкими конопушками на носу. Она была всего-то на 3–4 года старше нас, но, видимо, стеснялась своей молодости и напускала на себя такую серьёзность и строгость – не подступись! Нас она считала детишками, поэтому старалась не просто рассказывать новый материал, а чуть ли не по слогам диктовать. Темой одного из уроков по музыке была биография и творческий путь Глиэра. Композитор знакомый, произведения его на слуху, но я как-то никогда не задумывалась, какое его полное имя. Татьяна Ивановна (так звали нашу молоденькую

учительницу) диктует нам, как первоклашкам, старательно проговаривая фамилию, имя и отчество знаменитого композитора. Так старательно, что после каждого слова делает интонационную паузу и получается вот такое: «Рейнгольд, Морицевич, Глиэр». А дальше идёт дата рождения. Но я явно слышу все эти паузы, произнесённые так, как будто там должны стоять запятые. А уж если я слышу эти запятые, то и пишу. Пишу, размышляя: ну как же так? Очень странно. И, не поднимая головы от тетрадки, вслух выдаю свои размышления:

– Это что, они все трое в один день родились?!

Девочки нашей группы упали как скошенная трава. Они хохотали. Поднимаю голову, искренне ничего не понимая, и вижу непередаваемое выражение учительских глаз. В них такая гамма чувств, что на бумаге это не описать, это надо было видеть! В них и непонимание – как можно фамилию, имя и отчество одного человека разделить на три имени? И явное удивление, как такое вообще могло родиться в голове. И, что было самой большой неожиданностью, я увидела смех в глазах нашей учительницы. Наконец-то у этой ледышки, у этой сосульки прорвались хоть какие-то эмоции. Бедняжка кусала губы, сдерживая смех, но вслух рассмеяться не позволял тот мнимый образ, который она надела на себя, словно маску.

Но всё равно, мне был не понятен хохот подруг. И только когда Галка Масленникова, задыхаясь от смеха и вытирая выступившие слёзы, сказала, что так полностью зовут Глиэра, – я сама неудержимо расхохоталась. (И теперь, вспоминая этот случай, хохочу до слёз.)

10

В седьмом классе мы готовились к выпускным экзаменам. У моего учителя появилась новая, довольно коварная, привычка. Вдруг во время урока он срывался с места и, бросив на ходу «я сейчас вернусь», стремительно выходил из класса. Возвра-

щался через две-три минуты, ведя за собой чуть ли не всех учителей – кого находил свободным в это время. С довольным видом заходил в класс и сообщал:

– Таня, это я «для смущения» тебе всех привёл. Так, играем!

«Зрители» рассаживались на свободные стулья, я вздыхала, и мы играли. Это была своеобразная подготовка к сцене и к тому волнению, которое неминуемо присутствует на экзамене или любом публичном выступлении.

Конечно, мне было очень трудно учиться этот последний год: предстояли выпускные экзамены сразу в обеих школах! Не всегда хватало сил и даже просто времени подготовиться должным образом. Помню, как однажды учителю пришлось применить прямо-таки «садистские» методы по отношению ко мне, чтобы добиться необходимой выразительности. Он вызвал меня в воскресенье на дополнительное занятие. Сначала мы играли в нашем хорошо подготовленном и светлом классе, а потом перешли в зал, где в воскресенье печки не топили. «Для смущения» на сей раз был приглашён его друг Потапов Вадим Анисимович. Я играла на сцене, коченея от холода всё больше и больше и тихо внутренне бунтуя. Ноты были плохо различимы – свет для меня не включили! Вадим, не зная замысла моего «тирана», время от времени пытался урезонить его:

– Слушай, она у тебя вся закоченела, пусть хотя бы сверху пальто накинет.

– Нет, ей не холодно! Таня, тебе же не холодно?

– Холодно!

– Вот видишь, ей не холодно!

– Ну, хотя бы свет на сцене включи – ей темно! – не унимался Вадим.

– Таня, тебе темно? – Это уже учитель, с хитрецей.

– Да! Темно!

– Вот видишь, ей светло!

Потапов сидел обескураженный. Я – злющая на весь белый свет и на своего учителя. Это продолжалось до тех пор, пока не было сыграно так, как хотел услышать Свиногеев. И вот тогда он вскочил и, снимая на бегу своё пальто, бросился к сцене. Одним большим прыжком, минуя единственную ступеньку, поднялся на сцену и закутал меня в своё, нагретое им пальто. Я и Вадим Анисимович лишились дара речи. Свиногеев ликовал:

– Понимаешь, мне надо было её разозлить, чтобы она сыграла так, как нужно! – И обращаясь ко мне: – Таня, извини меня, пожалуйста!

Мы дружно смеялись...

А весной, как обычно, был отчётный концерт в Доме культуры. Приехала съёмочная группа из областного телевидения, меня впервые снимали. Вот тут-то и спасла закалка «от смущения»...

Выпускные экзамены прошли успешно, школу я закончила с отличием, получив красные «корочки». Год спустя наш любимый учитель уехал, не сработавшись с бумажной душой заведующего отделом культуры. Для меня это была невосполнимая утрата!.. Вскоре он обосновался где-то в Калининской области и перевёз туда семью. Ещё через год я нашла его след в городе Торопец, но мне так и не довелось приехать и повидаться с ним, чтобы поблагодарить его за всё тепло и добро, которое он сделал для нас.

УЧИТЕЛЬ! Я сейчас говорю – СПАСИБО!

Р. С. А Мальчика, с которым мы слушали в детстве голубей, я случайно отыскала через 45 лет! Вот только случайно ли?.. И, конечно же, не случайно мы с ним большие друзья.

21–29 сентября 2013 г.